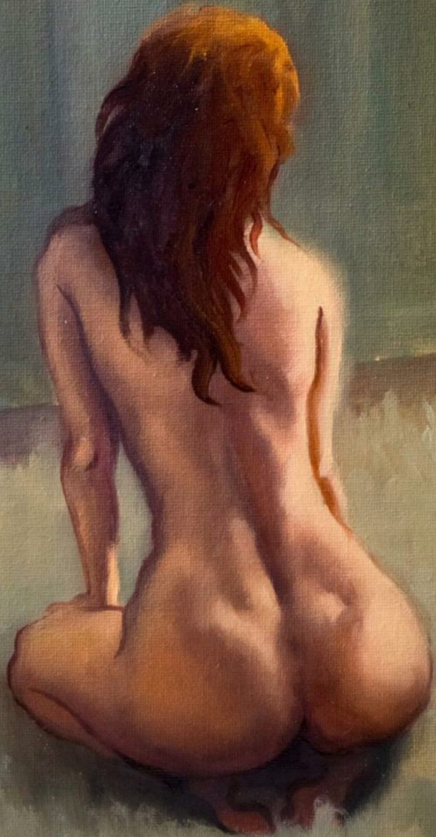

ТИХИЙ ОМУТ

16+

ЛИ ЛОНЛИ

Ли Лонли

Тихий омут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38578779

SelfPub; 2018

Аннотация

Дед мой оборотень, бабка – знахарка, а родителей я не помню. При рождении мне был дан выбор: обрести ли великую колдовскую силу или жить ничем не примечательной человеческой жизнью. Но, испугавшись первых проявлений моей силы, её отобрали у меня вместе с тенью. Кто я теперь? Недоведьма, недочеловек, обречённая наблюдать смерть близких и уход любимых. Хоронить ли мне и дальше своих мёртвых или попытаться вернуть то, что у меня когда-то отняли? В тихом омуте, как известно, водится всякое... Но я выберусь отсюда любой ценой. И тогда вам лучше не стоять у меня на пути...

Содержание

Глава 1. Не в своём теле	4
Глава 2. Каждый сам творит свою судьбу	33
Глава 3. Кто нашёл, кто потерял	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1. Не в своём теле

Ключевая вода была прохладная и чистая, от растущих рядом вековых деревьев и раскидистых кустов веяло свежестью, травы источали тонкий пряный аромат, и никуда не хотелось уходить. Совсем рядом с живительной прохладой стояла невыносимая жара, светило яркое безжалостное солнце, а горячий ветер гнал по улице колючую пыль.

Два ведра стояли на мокрой траве уже наполненные водой, а девушка с длинной рыжей косой, одетая в вышитую белую рубаху и грубый тканый сарафан, продолжала стоять, задумчиво опершись на коромысло, и словно прислушивалась к журчанию ручья, шелесту ветра, пению птиц... Наконец, как будто очнувшись от долгого сна, она выпрямилась, ловко подцепила коромыслом ведро, и вышла из тени густой листвы на пыльную тропинку.

Девушка прошла всего несколько шагов, когда услышала детский смех за спиной и ощутила лёгкую боль от летящих в неё мелких камешков. Сжав зубы, Ведана продолжала идти дальше и даже не оглянулась в сторону своих обидчиков. Это было уже не в первый раз. Дети из соседней деревушки мешали ей, раздражали, но она ничего не делала, чтобы остановить маленьких садистов. Девушке казалось, что, если она не будет обращать на них внимания, они быстро откажутся от жестокого развлечения, но, разгорячённые своими метки-

ми попаданиями и молчанием жертвы, дети быстро осмелели и стали подходить ближе, а брошенные ими камешки всё чаще находили свою цель.

Следующий камешек, особенно острый, попал Ведане в правый висок и заставил её на секунду остановиться и выпрямиться от резкой боли, но она тут же совладала с собой, и, стиснув зубы, продолжала молча идти дальше.

Иди вперёд, девочка, не останавливайся. Этот путь не так долог, как кажется – рано или поздно любая дорога заканчивается. Какое тебе дело до этих маленьких, жаждущих крови хищников? Они не стоят твоего внимания. Это всего лишь дети. Ты ведь знаешь, они не могут серьёзно тебе навредить.

– Где твоя тень, ведьма? – разноголосый детский смех и новый град камней – на этот раз мимо цели.

Сосредоточься, Веда. У тебя получится. Просто представляй себе, как эти камни летят мимо – им ведь всё равно, куда лететь. Камни не желают тебе зла. Пусть летят мимо.

– Где твоя тень, ведьма? Где твоя тень?

...Ведана могла неделями не вспоминать о том, что у неё нет тени – в Тихом Омуте никому до этого не было дела, а детишки из Чистого Поля встречались ей, к счастью, не каждый день. Но зато уж, когда встречались, подолгу не отставали от своей излюбленной жертвы.

То, что у кого-то нет тени, пугало и завораживало их одно-

временно. Дети могли часами сидеть в засаде у ручья в ожидании, когда девушка без тени придёт за водой. И вот, наконец, долгожданный момент наступал, и можно было снова гнаться за странной жертвой весёлой шумной гурьбой, и дразнить её, и свистеть, и бросать в неё мелкие камешки (а то и жабу, если посчастливится её раздобыть), соревноваться в меткости... Кому она пожалуется? Родители маленьких охотников категорически запрещали им и близко подходить к любому из жителей Тихого Омута – они и сами общались с «нечистыми» лишь по необходимости: когда нужна была их помощь; и надо сказать, такое случалось довольно часто. Ну а когда родители были заняты работой – то есть практически ежедневно с утра до ночи, – их младшие дети были предоставлены самим себе, и об их шалостях никто так и не узнавал.

Десятки раз жестокие забавы сходили детям с рук, и они быстро привыкли к своей полной безнаказанности... Чего нельзя было сказать о молодой ведьме – будучи бессильной сделать что-либо, она втайне подолгу мечтала, как однажды обретёт свою истинную силу, и представляла себе, какой сладкой будет месть. Хотя, немного поразмыслив, и приходила к выводу, что мстить детям – смешно.

– Почему у тебя нет тени, ведьма? У каждого должна быть своя тень.

– А может, она просто отказалась от тебя?

– Х-ха, вот дела! Даже собственная тень отказалась от ведьмы!

В голове несчастной девушки завертелись, стремительно сменяя друг друга, сотни мыслей, и среди них нервным пульсом в висках отдавалась одна: существуют ли ещё на свете люди, у которых нет тени?

Поговаривали, будто упыри не имеют тени – но у них и отражения-то отродясь не бывало... Не было теней у верлиок и трясовиц – но эта мелкая нечисть и своим внешним видом не слишком-то походила на людей. В Тихом Омуте тень была у каждого – у каждого колдуна, знахарки, потворника и ведьмы. Но то, что тени нет у Веданы, похоже, никого из них не удивляло. Почему – потому что все знали, почему её нет?

Родителей у Веданы не было – погибли, когда она была совсем крохой. Бабка-знахарка, вечно помогающая людям, бывало, целыми днями пропадала в Чистом Поле – с ней и поговорить-то было некогда. Дед же обычно отмахивался от назойливых внучкиных расспросов – мол, нет тени, и хорошо, и не нужна она тебе...

Но чем дольше длилась эта неопределённость, тем более несчастной чувствовала себя Ведана. Тем острее было её одиночество, тем сильнее была её боль, и тем безысходнее и безрадостнее казалась ей её недолгая пока жизнь.

Ударившись в тягостные размышления, ведьма совсем забыла о своих маленьких преследователях и перестала сосре-

доточенно думать о летящих мимо цели камнях, и следующий камешек неожиданно больно ударил её в плечо. Мимолётная боль и детский смех вернули девушку в реальность. Надо идти быстрее, иначе это никогда не закончится.

– А моя мама сказала, что она не ведьма, – разочарованно протянул тоненький девичий голосок. – Просто живёт в ведьмацком Тихом Омуте, а там все колдуны и ведьмы, и поэтому все думают, что и она тоже. А на самом деле никакая она не ведьма.

– А моя бабушка сказала, – авторитетно заявил задиристый мальчишеский голос, – что она ведьма и что у неё есть маленький хвостик, и так ведьму завсегда можно узнать. Если её неожиданно напугать и успеть быстренько заглянуть ей под платье, то хвостик можно увидеть.

– А как ты будешь её пугать, интересно...

– Скажи ещё, что у неё кровь чёрная, – насмешливо прищипнул кто-то. – Вечно вы, Остроглазки, всё выдумываете.

– А вот и не выдумываем! Это бабушка сказала, а значит, это правда.

– А может, ей надо забить осиновый кол в сердце?

– Сначала надо убедиться, что она хвостатая, потому что если не хвостатая, то, значит, не ведьма, так бабушка говорила, а осиновым колом кого хочешь можно убить...

Так дети преследовали молодую ведьму, споря и переби-

вая друга, и вскоре в их поле зрения показался Тихий Омут.

В деревушке целая улица домов – какие-то из них совсем новые, лишь недавно побеленные, со свежевыкрашенными ставнями и обновлёнными крышами; какие-то совсем ветхие, с покосившимися стенами, протекающей крышей и не закрывающейся дверью. Каждый дом окружён забором – есть и пониже, но большинство заборов такие, что и дом-то почти весь скрыт от чужих любопытных глаз. У каждого дома, каким бы новым или ветхим он ни был, роскошный сад – яблоневый, грушевый или сливовый, небольшой, но очень аккуратный огород, где растут удивительно красивые овощи, и огромные клумбы с целебными травами и цветами. И кажется, что живут там хорошие люди – добрые, работающие, лишь немного необщительные. Но жители Чистого Поля старались обходить Тихий Омут стороной – в каждом доме там жила целая семья ведм и колдунов, и простым селянам было с ними не по пути. Даже взрослые побаивались колдовского поселения и старались не проходить мимо лишний раз, а уж детям и вовсе было строго-настрого наказано и близко к нему не подходить.

Увидев показавшиеся дома Тихого Омута, дети поняли, что редкая забава подходит к завершению, и ощутили лёгкое разочарование. Решив, что пришло время действовать более активно, кто-то подбежал к Ведане сзади и с силой дёрнул её за длинную косу, а худенький светловолосый мальчик лет десяти забежал вперёд и преградил ей дорогу. Маленькая де-

вочка, очень похожая на него и такая же синеглазая, тут же встала за его спиной; остальные дети остались где-то позади.

Ведана продолжала молча идти, пока не подошла совсем вплотную к детям. Она бы так и прошла мимо, не говоря ни слова, но те и не думали уступить ей дорогу. Каждый раз, когда она делала шаг в сторону, они зеркально повторяли её движение и снова преграждали ей путь. Она, конечно, могла бы пробежать несколько шагов, как это уже бывало раньше, если бы не несла ничего тяжёлого, но сейчас из вёдер, которые были и без того тяжелы, могла расплескаться вода – и тогда пришлось бы снова идти к ручью. Ведана сделала ещё шаг вперёд и почти наступила мальчику на ногу, но дети на этот раз не сдвинулись с места.

Девушка начинала терять терпение. Молчаливое противостояние, как она уже успела убедиться в прошлом, ни к чему не приводило.

– Не отойдёте – превращу в мерзких скользких жаб, – медленно, с расстановкой прошипела она.

– Ты не сможешь! Ты не умеешь даже..., – насмешливый мальчик не договорил, столкнувшись с решительным взглядом.

– Хочешь проверить на себе? Или, может, на своей сестре? – по зелёным глазам невозможно было понять, действительно ли девушка сделает то, что угрожала сделать.

Испуганная девочка нерешительно потянула брата за рукав. Дети медленно попятились, глядя ведьме в глаза, пока не сошли с дороги в пожухлую густую траву. Ведана, не удостоив их и взглядом, пошла дальше – благо, до дома было уже рукой подать. Она выглядела спокойной, но в её взгляде уже не было того умиротворения, какое было там, у ручья. Растерянные дети не дальше пошли – остались стоять на месте в полном недоумении. Раньше девушка никогда не говорила им и слова – они уж было, задумались, умеет ли она вообще говорить, а тут сразу такое!

– Интересно, а на самом деле может или нет? – услышала Ведана за спиной задумчивый детский голос.

Она недобро улыбнулась, и, продолжая идти вперёд, всего на одно мгновение закрыла глаза, сосредоточенно сомкнула брови и подумала: «Ну не могу я на самом деле превратить их в мерзких жаб! Ну и пусть... Но грозой-то их можно припугнуть?».

Уже заходя в дом и закрывая за собой дверь, девушка услышала первые раскаты грома, а ещё через несколько минут за окнами потемнело, и тяжёлые крупные капли дождя застучали по крыше.

Когда ведьма вошла в дом, под густым деревом, растущим через дорогу, раздались чьи-то приглушённые голоса.

– Ты это видел? Видел? – первый голос был возбуждён: его владелец явно увидел то, чего ждал уже ощутимо долго.

– Конечно, я ведь не слепой, – второй голос принадлежал гораздо более ленивому существу, которого волновала не столько ведьма, сколько льющаяся с неба вода.

– Гроза началась из-за неё. В этом сомнений нет.

– Из-за неё, конечно. Всё-таки она – ведьма, нравится это кому-то или нет. Такую силу в себе не утаишь.

– Надо спешить. Потворник должен узнать об этом ещё до того, как она сама осознает, кто она...

Второй не разделял желания собеседника выскочить из-под дерева, где земля ещё оставалась сухой и тёплой, под проливной дождь, и тянул время как мог.

– Подожди, брат. Я не могу понять одного: у неё же нет тени – значит, она не может быть ведьмой, разве нет?

– А ты как думаешь, зачем у неё вообще отняли тень? Разве так поступают со всеми?

– Нет, конечно, но...

– То-то! Она – очень сильная ведьма, её сила опасна даже для ведуна. Она может представлять угрозу даже для потворника, хотя ему никто живой не может серьёзно повредить...

Голоса притихли, пока мимо пробежала визжащая стайка детей, шлёпающих по стремительно разрастающимся лужам босиком, усиленно разбрызгивая грязь по сторонам.

– Да пусть она хоть самая сильная ведьма на свете! Чем она может быть так опасна? Что она вообще может сделать?

– Когда она только родилась, судички предвещали, будто однажды она сможет изменить весь мир. Многие из тех, кто искренне полюбит эту ведьму, поплатятся за свою любовь жизнью. А уж её врагам и подавно лучше не становиться на её пути! По правде сказать, мне самому даже страшнее от того, что у неё нет тени. Это значит, что колдовская сила, которой она владеет от рождения, ей непонятна и неподвластна – а что может быть хуже сильного колдуна, который не осознаёт и не контролирует своей силы?

– Ничего не может быть хуже...

– Может, брат. Это сильная ведьма, не контролирующая своей силы. Бабы – они вообще непредсказуемы по природе своей. А уж если баба к тому же ведьма, да ежли сама не понимает, на что она способна...

– Однако, мы с тобой разболтались... Пора бежать к потворнику. Наказал же немедля докладывать, как только что подобное случится.

Вся земля вокруг была мокрая; благодаря неистовым порывам ветра ливень намочил всё даже под густой кроной деревьев – спасения от льющейся сверху воды на улице не было нигде. Гром грохотал так, что говорящие уже почти не слышали друг друга и вынуждены были кричать.

Сверкнувшая молния разорвала небо, и мгновение спустя послышались новые раскаты грома.

– Ой, что-то мне зело не хочется бежать под грозой. По мокрой земле, по лужам, да ещё под дождём, – захныкал жалобный голос. – А нельзя как-то переждать? ...хотя и тут уже всё залило! Да ж что ж это такое!

– А никто ведь не обещал, что будет легко, брат... Но ты не думай об этом. Представь лучше, как будет замечательно, когда закончится наше столетнее наказание! Десять лет всего осталось терпеть и безропотно работать на потворника, и мы свободны! – мечтательно проговорил невидимый собеседник. – Свободны, слышишь, брат! Найдём себе чудесный дом с бережливыми хозяевами и будем жить-поживать – я, как и прежде, буду ухаживать за лошадьми, заботиться о них и заплетать их шелковистые гривы в длинные косы, а ты снова будешь топить баньку...

– Банька – это хорошо, – немедленно согласился первый. – Хотя, кажется, и за тысячу годков не прогреются мои старые разнесчастные кости, промозглые от этих бесконечных дождей и холодов... Ведь было же тепло и хорошо – откуда ж такая напасть!

– Твоя правда, брат, – послышался после вздоха тот же голос. – Но дождь не кончается, а бежать надо. Глядишь, так и время скорее пройдёт...

Две шустрые, ничем не примечательные серые ящерицы выскочили из-под камня и устремились в сторону поля.

Если бы кто-то в этот момент оказался на улице, то, по меньшей мере, он бы очень удивился. В этих местах и в сол-

нечную погоду ящерицу встретишь нечасто, а уж в грозу и говорить нечего. И хорошо ещё, что никто не слышал, как разговаривали эти ящерицы. А то бы точно тронулся умом...

В доме ведьмы уютно и тепло – здесь ничто не говорит о том, что там, снаружи, сильная гроза. В широкой горнице достаточно места для большой печи, в которой сейчас потрескивает огонь, облизывая заботливо подложенные поленья, для длинного дубового стола, для пахнущих свежими сосновыми досками лавок, стоящих по две стороны от стола и под свободными стенами. Все углы заняты широкими открытыми полками – на крепких досках, устланных вышитыми рушниками, хранится посуда, крупы и разные приправы для приготовления еды, светильники, старые книги, огромное количество трав, камней, мазей, снадобий и ещё множество других предметов. Всё это аккуратно сложено – кажется, у каждой вещи есть своё единственно возможное место, и в строгом порядке кроется красота.

Такой же порядок царит и под лавками, стоящими у стен. Прямо на полу ровными стопками выложены потрёпанные книги, поленья для печи, засохшие травы в глиняных горшках и полотняных мешочках, ремесленные инструменты, разноцветные камни, небольшие досточки, бусинки, ленточки, шерстяные нитки и целая куча разных мелочей в свежих берестяных коробах.

Дополняя картину, то тут, то там с потолка свисают пучки развешанных для просушки ароматных трав, а также аккуратно заплетенные в тугие косы лук, чеснок и яркий красный перец.

У печи хозяйничал высокий худощавый старик с длинными седыми волосами, перевязанными красной шерстяной ниткой, и топорчатой бородой. Древослав аккуратно подвешивал у огня длинные нити с грибами, которые тут же сам и нанизывал. Делал он это давно – первые грибы уже заметно подсохли, заполнив горницу сводящим с ума ароматом, и теперь, когда осталось подвесить последнюю нить, старик услышал, как хлопнула входная дверь.

Едва увидев виновато потупившую взор внучку, Древослав охнул. Уже и за водой нельзя отпустить девку, чтобы без синяков да ссадин не вернулась! Старик подвесил у огня последнюю нить с ловко нанизанными на неё лисичками, окинул привычным взглядом свежие внучкины царапины, вышел в сени и вскоре вернулся оттуда с целым букетом сильно пахнущих трав.

Девушке уже не было больно, она сидела на деревянной лавке, болтая ногами, и гладила полосатую кошку.

– Дед, Золотишку покормил уже?

Древослав усмехнулся в бороду:

– От лишнего блюдечка молока эта красавица никогда не откажется.

Ведана взяла блюдце, налила в него молока из гладкого глиняного кувшина, и поставила угощение перед полосатой кошкой.

Пока довольная кошка пила молоко, дед смазал саднившие царапины Веданы свежим соком полыни, размельчил в деревянной ступке незнакомые девушке травы и стал присыпать ими ссадины. Ранки затягивались буквально на глазах.

Так происходило всегда – с дедом-травознаем не приходилось ни болеть, ни мучиться заразой какой. Да и у бабки золотые целительские руки. Не зря их уважают даже здесь, в Тихом Омуте, а уж о Чистом Поле и говорить не приходится – у тамошних жителей постоянно что-то случается, и по любому поводу они бегут в Тихий Омут за помощью. Конечно, не все колдуны и знахари соглашаются помогать людям, да ещё часто за простое спасибо, но Древослав и Зубаха не отказывали никогда. По крайней мере, Ведана такого не помнила.

Девушка терпеливо сидела, не двигаясь, и рассматривала красную вышивку на грубой тканой рубахе деда. Красивая вышивка, необыкновенная – такой Ведана ещё ни у кого не видела: как будто сильные, поджарые волки бегут стаей друг за другом. Смотришь – и не можешь отвести взгляда: волки как будто живые. Дед однажды сказал, что так вышивали одежду все его предки по мужской линии с давних времён, и когда-нибудь сын Веданы должен будет научиться вот так

же сам вышивать свою одежду. «А если у меня не будет сына или вообще не будет детей? – подумала она тогда. – Да и кто его научит, интересно?».

Втирая травяной порошок в висок Веданы, Древослав нажал слишком сильно, и девушка зашипела от резкой боли.

– Больно?

– Терпимо, – процедила она сквозь зубы. – Что это за травы?

Дед усмехнулся, в его глазах загорелись искорки.

– Сама угадаешь?

– Нет, конечно. Куда мне... По виду порошка уже не понять, а все запахи перебила полынь.

– Тысячелистник и подорожник. С кем сцепилась на этот раз?

– С мелкими поганцами из Чистого Поля... – Ведана вспомнила недавнюю травлю и снова скривилась.

– Вот знаешь, дед, – пожаловалась она. – Так они меня злят иногда, что хочется однажды взаправду превратить их в мерзких скользких жаб. Или ещё в кого-то такого же противного. Прямо сама удивляюсь, до чего хочется...

– Помнишь, чему мы тебя всегда учили? Нельзя делать только то, что тебе хочется. Особенно если это вредит кому живому.

– Лучше бы вы меня учили, как применять колдовство, а

не как ничего не делать, – буркнула Ведана.

– Всеми своё время, девочка, – привычно отмахнулся дед. – Да и нельзя учиться колдовству, коли с собственной злостью совладать не можешь... Пирог-то печь будешь?

Ведана терпеть не могла, когда дед или бабка вот так переключали её внимание на другую тему: вроде как и отказаться печь пироги нельзя, но, с другой стороны, если уж согласилась заняться делом, то вроде как согласилась и ждать, пока придёт время учиться колдовству.

Девушка вздохнула, нехотя закатала рукава и принялась за тесто – пока она ходила за водой, опара поднялась чуть ли не втрое, и уже лезла из-под крышки во все стороны.

Уже через несколько минут ведьма увлеклась пирогами настолько, что забыла обо всём – и о досаждавших её детях, и своей злости, и о дожде за окном.

На улице по-прежнему шёл дождь, а в доме от натопленной печи было приятно тепло. Уютно потрескивали поленья, пахло свежей сдобой и сушёными грибами. Ведана продолжала лепить новые пироги, а Древослав сидел рядом на лавке и брэнчал на стареньких сосновых гусях, изредка отвлекаясь, чтобы запихнуть в рот очередной пирожок, и снова играл, продолжая жевать и побряхтывать от удовольствия.

Ведане нравилась игра деда, но раздражала манера жевать вот так, «на ходу». Ей всегда говорили, что жевать надо мед-

ленно, а когда ешь, ни на что не отвлекайся.

– Дед, ты поел бы как следует, как раз отвар заварился – твой любимый, на вишнёвых веточках. Отложи гусли, потом поиграешь...

– Эх, девочка! – весело подмигнул Древослав, продолжая щипать струны на удивление гибкими и шустрыми пальцами. – Жизнь такая короткая! Коли хочешь всё успеть, так по два дела сразу делать надобно, а то и поболее!

Девушка незаметно улыбнулась и продолжила заворачивать в пышное тесто то малину, то чернику.

– Давно не видела такой славной черницы! На диво крупная и сладкая. И где ты её только берёшь? В Чутком лесу такой нет...

– Есть, конечно. Где ж ещё чернице-то быть? В лесу и есть! Но только не на опушке, где все собирают, а поближе к Проклятому болоту. Люди-то боятся туда ходить, вот черница там и растёт рясно, силы набирается да сладостью наливается.

– А как же болотяник? Говорили, осенью двух человек заманил к себе на болото заливистым смехом, да и затянул за ноги на самое дно...

Древослав посерьёзшел.

– А не говорили, что те два человека клад зачарованный выкопать задумали? А клад-то под болотом лежит, так и порешили болото высушить, всю живость болотную и боло-

тяника самого убить, а клад себе забрать. Какая же лесная нечисть такое терпеть будет? Тех, кто приходит к болоту с добрыми мыслями, болотяник не тронет, запомни! Так что тех двоих не особо жаль...

Ведана пожала плечами:

– Ну и не стало бы болотяника вместе с его болотом, чем плохо?

– Вот уж не думал услышать такое из уст собственной внучки. Удивляешь ты меня, Ведана... Сама подумай. Сказки-то рассказывали тебе про куликов да цапель, что на болоте гнездятся и птенчиков растят? Про медведей да оленей, что к болоту за ягодами приходят? Да и сами-то ягоды – и черница, и клюква, и брусника, и морошка, что на болоте растут, крупнее да слаще вырастают. А травы многие лекарские, где, ты думаешь, мы собираем? Тут, как ни крути, а пользы от болота поболее будет, чем вреда. Да и вреда не особо много, коли с добром к нему подходить...

Конечно, это всё Ведане рассказывали, и не один раз – в виде сказок и баек на ночь, да только было это, кажется, бесконечно давно...

Пока девушка думала над глупостью своего вопроса и её щёки начинали гореть от стыда за то, что она могла забыть истины, очевидные и для ребёнка, домой вернулась её бабка Зубаха, и всё внимание переключилось на неё.

Не успела пожилая знахарка снять безразмерную серую

накидку, под которой легко могли бы спрятаться ещё как минимум двое немаленьких людей, как внучка набросилась на неё с вопросами.

– Ты где была так долго, ба? – зелёные глаза горели любопытством. – Что делала? Кого-то лечила или так просто? А в гости к Радовану зашла? У нас уже и пироги поспели, и отвар заварился свежий, на вишнёвых веточках – как ты любишь...

Зубаха медленно, непривычно шаркающей походкой подошла к столу и тяжело опустилась на лавку. Невысокая полная женщина казалась смертельно уставшей – у неё не было сил даже поправить растрёпанные седые волосы, – но чистые, по-детски голубые глаза удивительно молодили тронутое морщинами лицо.

– Устала, Зубаха? Давай-ка я тебе лучше мяты и божьей травы заварю! – Древослав отложил гусли, собрал травы в глиняный кувшин и залил кипятком. Мятно-чабрецовый запах заполнил комнату, смешавшись с запахом свежих пирогов.

– Так где ты была? – с нетерпением переспросила Ведана, когда знахарка выпила первый глоток целительного снадобья.

– У Остроглазок, черти их дери! Детей наплодили, а ума им не дали! – знахарка никогда не стеснялась в выражениях. – Жадана-то вроде взрослая девка, а головы на плечах нет! Пошла с подругами гадать у бани, да и сунула руку в

окошко! Думала, банник ей золотых колец с дорогими камнями на пальцы понадевает да богатого жениха посулит, а тот тоже, не будь дураком, да и железом-то пальцы ей намертво и скрепил!

– И что, ничего нельзя сделать?

Зубаха медленно выпила ещё пару глотков напитка, прикрыв глаза от удовольствия.

– Совсем ничего, да?

Знахарка поморщилась от досады, что ей помешали спокойно насладиться ароматным травяным отваром. Внучка всегда была не в меру любопытна – с самого рождения, и вот с этим сделать что-либо точно нельзя. Неуёмное любопытство – один из главных пороков любой ведьмы. Зубаха снова открыла глаза:

– Сделать всегда можно что-то, кроме случаев, когда человек помер уже – тут уж даже если можно что сделать, лучше не делать... Да только Остроглазки жадные больно. Знают – коли сами виноваты, платить за помощь придётся, так и попробовали сначала лечить своими-то силами...

– И что? – Ведана поставила в печь новую партию пирогов с ягодами.

– Что-что, ещё хуже сделали, конечно, – проворчала бабка и тут же вздохнула. – Как обычно. Чай, не простуду лечили, могли и догадаться, что не справятся... Железо-то я сняла и запястье девке перевязала красной шерстью...

– А травы?

– И травы, знамо дело. Полынь да крапива. И соком свежим смазала, и припарку сделала, и отвар приготовила. Да только не поможет это! Плохо там дело, очень плохо. Придётся девке ещё наузю носить с кровью дракона... Денька три, чтобы вдруг хуже не сделалось. Вот завтра же приготовлю и отнесу. Коли поможет, так потом сама мёдом да капустой долечится, да трав ещё ей передам. А не поможет, надо будет ещё что-то придумывать, только сложно это будет...

– А ты думаешь, поможет?

– А то как же! Кровь дракона сильна, всякую заразу убивает... А ты что выпрашиваешь всё? Чай, надумала сама знахарством заняться?

Ведана покраснела. До сих пор она не задумывалась о такой возможности. Но и грозы она раньше не вызывала, а вот сегодня ей это удалось...

– Тут и раздумывать нечего, – отрезала бабка. – Без тебя умельцев хватает!

Ведана вздохнула и в который раз стерпела то, что самые близкие люди не дают ей возможности заниматься тем, что могло бы стать делом всей её жизни.

В Чистом Поле, как и в Тихом Омуте, бушевала неожиданная гроза. Люди в спешке загоняли скот в хлев и закрывали все ставни.

Обед был почти готов. Ветрана поправила светлые воло-

сы, выбившиеся из-под платка, и в сотый раз подошла к окну. Где опять бегают эти сорванцы? Были бы близко – мигом прибежали бы, как только началась гроза. Промокнут ведь с ног до головы! Не простудились бы только... А может, надо пойти их поискать? Был бы муж дома, а то ушёл с мужиками на охоту, и до завтра уже не вернётся... Хоть бы поохотился удачно, а то придёт, вон, голодный да уставший, и тоже наверно промокший до нитки.

Размышления женщины прервали двое светловолосых детишек, мальчик и девочка, вбежавшие в дом. Промокшие до последней нитки, дети одновременно затараторили, перебивая друг друга:

– Ой, мамочка, гроза-то какая!

– И как сразу началась, вот прямо так сразу! Как бабахнет, как сверкнёт!

– Не было её, не было, а тут раз!

– Где были-то, признавайтесь! – Ветрана постаралась, чтобы её голос прозвучал достаточно строго, но махнула рукой. – Хотя потом расскажете. Ну-ка быстро переодевайтесь в сухое, мойте руки – и за стол!

Дети были голодны, но, видно, пережили немало ярких впечатлений, потому что, и уплетая кашу за обе щёки, не переставали говорить. Девочка выглядела испуганной.

– Мам, а правда, что, если гроза так быстро началась, то это ведьма разозлилась, да? Мирина бабушка говорит, что

ведьмы такое могут.

Женщина молчала. Она никогда не говорила со своими детьми ни о ведьмах, ни о нечистой силе, и ей не нравилось, что чья-то бабушка позволяет себе такое. Надо будет поговорить с ней, чтобы не пугала детей зазря.

– Яра, почему ты спрашиваешь?

Мальчик был не так напуган, как сестра, но тоже явно чувствовал себя виноватым и заговорил, не глядя матери в глаза.

– Просто это мы наверно виноваты... Ну не обязательно мы, но может быть, что и мы тоже... Понимаешь, мы с ребятами наверно ведьму разозлили немножко. Мы играли себе в поле, и нам было скучненько, а она шла мимо и несла воду из ручья. Таким, знаешь, смешным коромыслом. Ну, мы увидели её и потом побежали за ней... и... и..., – ребёнок тянул время, думая, стоит ли говорить всё.

Мать выжидающе смотрела на него. Он вздохнул и продолжил:

– Ну и камни побросали немножко – небольшие совсем, и в неё немножечко попали... А вообще-то мы с Ярой рядом постояли только, а бросали братья Остроглазки и потом ещё Миря чуть-чуть совсем... И Ярик тоже немножко...

– Понятно. Опять всей гурьбой шkodничали, а виноваты все, кроме вас. Ну ладно, Яра маленькая ещё, но у тебя, Дань, голова-то была на плечах?

– А чего? Мы же ничего...

– Наказаны. Оба, – коротко сказала Ветрана. – Никаких

пирогов с клубникой. И на речку завтра никто не пойдёт – будете помогать коров пасти. Да вот ещё возьму и извиняться заставлю.

Яра забилась в угол и мелко задрожала, её неугомонный брат попытался обжаловать мамино решение:

– Но мы же правда не виноваты, ну мам! И перед кем нам извиняться – перед этой невсамделишной, что ли? Перед этой недоведьмой?

– Это кого ты недоведьмой называешь?

– Ну эту..., – пробормотал мальчишка, снова опустив голову. – Веданту. Или Бедану. Или как там её...

– Ведану, – выдохнула Ветрана. – Конечно, Ведану, кого же ещё. Постыдились бы, девка сиротой выросла. И тихая – сдачи не дала, небось...

Девочка всхлипнула:

– Да она спокойно шла себе и молчала. Может ей вообще больно не было. Ведьмам бывает больно?

– Это неважно, больно ей было или нет. И неважно даже, ведьма она или нет. Вы хоть понимаете, что нельзя бросать камни в человека?

Мальчик поднял голову:

– А во врага?

– Ведана не враг.

– А кто? – взвился Даня. – Она же грозилась превратить нас в мерзких скользких жаб! Это что же, по-дружески, по-

лучается?

– Хватит со мной спорить. Я всё сказала.

– Ну мам, ну можно не извиняться? – хором заголосили дети.

– Если к завтрашнему утру гроза прекратится, то можно, – задумчиво сказала Ветрана, задёргивая окно тёмно-синими шторами, расшитыми золотыми звёздами. – Но это будет в последний раз.

Дождь не прекращался несколько дней. То немного стихая, то снова усиливаясь, он ни на минуту не останавливался. В какой-то час дождь снова притих, однако ночь всё равно выдалась беспокойная. Дул сильный ветер, и при каждом его порыве тонкие длинные ветки стоявшей под окном берёзы стучали в окно.

Ведана долго ворочалась с боку на бок и не могла сомкнуть глаз. После очередной неудавшейся попытки заснуть она села на кровати и открыла глаза. Прямо перед ней на кровати сидела Золотишка и смотрела так внимательно, что девушке показалось, будто она и заснуть не могла из-за этого пристального взгляда кошачьих жёлтых глаз.

Не успев отругать кошку, Ведана услышала странные шорохи, и решила, раз ей всё равно не спится, пойти на кухню и выпить немного молока, а заодно и посмотреть, откуда раздаются непонятные звуки.

На цыпочках, стараясь не шуметь, девушка встала и осторожно пошла по длинному коридору, но время от времени какая-нибудь доска всё же издавала громкий скрип, и после каждого скрипа Ведана останавливалась с замирающим сердцем и прислушивалась. Когда она была уже в горнице и выглянула в сени, сквозь шелест листвы со двора донёлся приглушаемый ветром шёпот.

Входная дверь была приоткрыта, и теперь девушка без труда могла видеть происходящее. На мгновение ветер разогнал плотные тучи, и выглянувшая из-за них бледная круглая луна осветила всё вокруг. Ведана увидела стоявшего на коленях у пня посреди двора своего деда, одетого только в длинную рубаху. Едва показалась луна, Древослав поднялся, резко выпрямился, и легко, словно он и не старик вовсе, перекувыркнулся через пень.

Пока изумлённая Ведана стояла, раздумывая, не снится ли ей это, тучи снова закрыли собой луну и во дворе ненадолго потемнело, а когда вновь стало светло, Древослава во дворе уже не было. Девушка осмотрелась по сторонам, напряжённо вглядываясь в темноту, и ей показалось, что она увидела огромного волка, убегającego в сторону леса. В середине пня в лунном свете слегка поблёскивал воткнутый в пень один из атамов Древослава, с которыми он не расставался никогда.

Не зная, что об этом думать, и напрочь забыв о том, что

вообще-то она выходила за молоком, Ведана вернулась в свою комнату и легла в постель. Ветер внезапно прекратился, берёзовые ветки перестали стучать в окно, и девушка мгновенно заснула.

Всю ночь Ведане снился яростный бой. Во сне было столько разных мелких деталей, что девушка не успевала всё запоминать. Непрекращающийся гром, яркие вспышки молний, быстро мелькающие ножи, топоры, отовсюду летящие стрелы, и повсюду кровь, пыль, стоны и непонятные бормотанья, похожие на колдовские заклинания.

Ничего нельзя было рассмотреть в поднявшейся пыли и было очень трудно дышать. Ведана видела себя непосредственной участницей боя, но у неё в руках не было никакого оружия, и она вдруг с ужасом осознала, что не знает ни каких-либо магических заклинаний, ни пассов. Как же она сражалась?

У девушки были распущенные, непривычно светлые, волосы и белый, хотя Ведана никогда не носила белого, изорванный в клочья сарафан. Она чувствовала себя необыкновенно сильной и очень разозлённой, и только когда упал очередной попытавшийся её убить человек, на которого она всего лишь посмотрела, Ведана поняла, что она убивает их одним своим взглядом.

На какую-то небольшую долю секунды ей стало страшно от осознания собственной силы, и эта доля секунды погубила

её.

Время замедлилось. Девушка была уже не в состоянии пошевелиться – тело не слушалось её. Хотелось кричать, но из её горла не доносилось ни звука. Ведана подняла голову и увидела, что прямо в неё летит невероятных размеров камень, и она ничего не может с ним сделать. Она просто стояла, окаменев от страха, и широко раскрытыми глазами смотрела на приближающуюся глыбу.

Девушка ещё успела заметить, что к ней бросается темно-волосый мужчина в белой рубахе (красивая красная вышивка с волками показалась ей смутно знакомой), чтобы спасти её, но уже мгновение спустя Ведана стояла рядом и с ужасом смотрела на два изломанных тела, видневшихся из-под огромного камня.

Когда Ведана проснулась от кошмара, её сердце бешено колотилось. В комнате было темно, по окнам снова стучали берёзовые ветки, а по стеклу непрерывными ручьями стекал дождь. В доме тихо – наверно, дед с бабкой ушли куда-то по делам...

Полосатая желтоглазая кошка спокойно сидела на полу, шурилась и ждала, пока её покормят.

– Молока?

Девушка и раньше знала, что Золотишка умеет улыбаться, но эта её улыбка казалась ещё более сияющей, чем обычно.

Ведана встала и оделась, а кошка, не дожидаясь повтор-

ного приглашения, уже бежала, запутываясь в её ногах, за очередной порцией молока.

Глава 2. Каждый сам творит свою судьбу

На следующий день Ведана проснулась раньше обычного. Девушка оделась и умылась, и вышла в горницу позавтракать. Зубахи нигде видно не было, а дед молодой ведьмы суетился по хозяйству.

Несмотря на раннее утро, Древослав выглядел уже немного уставшим, но пребывал в очень хорошем расположении духа. Он часто улыбался в седые усы и мурлыкал что-то себе под нос. Пока Ведана, протирая глаза, пила парное молоко, старик ловко разделявал двух увесистых зайцев.

– Славно я поохотился, внучка! Встряхнулся слегка, вроде как помолодел даже, – усмехнулся Древослав. – А на обед у нас будет свежая зайчатинка, тушённая в горшочках по знаменитому семейному рецепту Зубахи. Запомни, никто не готовит тушёное мясо в горшочках лучше твоей бабки!

Старик подмигнул Ведане и продолжал разделявать свежатину. Девушка молча смотрела на его быстрые точные движения, на длинный нож с деревянной ручкой, исцёрканной древними рунами, на яркие, уже освежеванные тушки зайцев, и напряжённо думала: чего же здесь не хватает? Чего?

И тут её осенило: когда дед возвращается с охоты и сам разделывает добычу (это сугубо мужское дело Древослав не доверял никому), где-то рядом обычно лежит его старый лук, которым он всегда гордился, и окровавленные стрелы, вынутые из убитой дичи. Стрелы у деда редкие, узнаваемые – с костяными наконечниками. Древослав любит говаривать, что истинный охотник не будет бить дичь металлом, а предпочтёт кость – кость к кости стремится, метко бьёт, мясо не рвёт...

Сейчас ни лука, ни стрел рядом не было.

Ведана как замороженная смотрела на резкие взмахи длинного ножа и вдруг вспомнила, как поблёскивал в лунном свете нож, воткнутый в пенёк. Она взглянула на тушку зайца, лежавшую на столе, и увидела на шее чёткие следы хищных клыков... Неужели это был не сон? Страшный вопрос уже готов был сорваться с языка девушки, когда вслед за всплывшим в памяти ночным видением она вспомнила и сивший ей кошмар. Увиденный во всех подробностях бой не давал Ведане покоя. Бабка с детства учила её запоминать сны, говоря, что ничего не снится просто так, и в этом Зубахе можно было верить – не было в Тихом Омуте лучшего толкователя снов, чем она.

– Я видела сегодня очень странный сон, – собственный слегка охрипший голос показался Ведане чужим.

Древослав вздрогнул, на секунду остановился и присталь-

но посмотрел на внучку. Его взгляд, пылливый и неожиданно жёсткий, немного напугал девушку.

– Мне снилось какое-то непонятное кровавое побоище, во всех подробностях, – пробормотала она. – И я была там... или нет, скорее, не совсем я.

Вначале ей показалось, будто дед вздохнул с облегчением, но по мере того, как она рассказывала всё новые детали страшного сна, стараясь ничего не пропустить, старик становился всё мрачнее.

Наконец, когда Ведана заговорила о темноволосом смельчаке в вышитой рубахе, её взгляд упал на рубаху деда, и она запнулась. Вот почему странный орнамент показался ей таким знакомым – вышивка героя была в точности такая, как на одежде её деда: стая красных волков, бегущих друг за другом.

На некоторое время в комнате повисла тяжёлая, гнетущая тишина, в которой особенно чётко слышалось мурлыканье кошки: Золотишка возилась под столом и с удовольствием обгрызала брошенный ей кусок свежего мяса с косточкой.

– Почему мне это снилось, дед? Какое отношение это имеет ко мне? Кто та женщина? И мужчина с вышивкой как у тебя? ...Они мертвы – они на самом деле мертвы? – Ведана задавала вопрос за вопросом, не оставляя Древославу времени на ответ.

Девушка даже не была уверена, хочет ли она слышать ка-

кие-то ответы, просто машинально задавала вопросы, напряжённо размышляя над ними сама. Обрывки фраз всплывали в её памяти – «ничего не снится просто так...», «когда-нибудь и твой сын вышьет на своей рубахе этот орнамент», и слёзы сами собой стали наворачиваться на глаза. Неужели это были её родители? Но разве они не...

– Разве они не погибли во время повального мора, который наслали на Тихий Омут дивии люди из Синих гор? – тихо спросила она.

– Кто «они»? – так же тихо переспросил Древослав.

– Мои родители, – Ведана вскинула голову, её голос был полон решимости идти до конца. – Росава и Ратибор. Это ведь они мне снились, правда? И ничто не снится случайно, вы же мне сами всегда это говорили... Так как они погибли на самом деле? Скажи мне, я должна это знать!

Старик молчал. От его приподнятого настроения не осталось и следа – он заметно посмурнел.

– Я хочу знать всё. Дед. Ты должен сказать мне правду. Должен. Я имею право знать! Я уже не маленькая! – Ведана повысила голос, однако это не произвело должного впечатления на Древослава. Он продолжал молчать, показывая всем своим видом, что не собирается говорить с внучкой на эту тему.

– Я всё равно всё узнаю! – выкрикнула девушка, вскочила из-за стола и выбежала из горницы.

– Молоко не допила! – крикнул ей вслед Древослав и тут

же заметил, что всё молоко уже прокисло.

В «Добром горшочке», как всегда, многолюдно. Приветливые хозяева, вкусная еда, уютная обстановка – что ещё нужно для того, чтобы как следует отдохнуть в середине тяжёлого рабочего дня? Впрочем, сегодняшней день явно нерабочий – уже который день погода не способствует работе в поле. Гроза то утихнет немного, то снова разъярится, и конца ей не видно.

Работы-то в поле нет, а сила привычки велика – все, кто каждый день привык обедать в придорожной харчевне, и сегодня пришли сюда. Здесь и Велимир с Радомыслом, самые уважаемые в Чистом Поле старейшины, и Светлана с Ядвигой и Цветаной – спать детей уложили после обеда, да пришли посидеть за чашкой душистого отвара, посудачить о соседях и поделиться новыми секретами. Да и другие жители деревушки пришли сюда скоротать время в непогоду – где ещё узнаешь столько новостей и с пользой проведёшь время? Старый Радован с топорчатой седой бородой и удивительно ясными синими глазами – добрейшей души человек, сегодня лично заварил травяной отвар от простуды и упадка сил (погода не солнечная; неровен час, занеможет кто), и всех угощает им забесплатно. Его молодая жена Честа – голубоглазая красавица в сиреновом платке, повязанном поверх густых каштановых волос – ловко скользит между сто-

ликами, разнося заказы, и периодически участвует в общих разговорах.

В «Добром горшочке» всегда уютно, как дома, и посетители часто засиживаются здесь допоздна, забыв о собственных хлопотах. Снаружи харчевня довольно невелика по размерам, но никогда не было случая, чтобы кому-то не нашлось места внутри, где удивительно просторно. В единственном двухэтажном доме Чистого Поля на верхнем этаже жили хозяева – Радован с Честой, а нижний этаж обустроен под харчевню: несколько крепко сколоченных дубовых столов с лавками стоят аккуратными рядами, на полках красиво выложены овощи и глиняная посуда. У печи в углу висят длинные связки грибов и ягод – из-за этого, когда печь натоплена (то есть почти всегда), по всей горнице распространяется приятный лесной запах. Печь повернута к горнице задней стороной – кухня харчевни скрыта от глаз посетителей, которые и не стремятся узнать тайну вкусных блюд, готовящихся здесь – лишь бы кормили. А Честа с Радованом всегда найдут, чем удивить гостей: никто лучше, чем они, не готовит зайчатину в горшочках с ароматными травами, блины с припёком из грибов, пироги с черницей и малиной, ароматные щи и каши, ядрёный холодец с хреном и котлеты из щуки. А уж какой у них сбитень да квас – никто одной кружкой не ограничивался! В жару предпочитали холодный квас из погреба, а в холодные дни – горячий сбитень с душистыми приправами. Жители Чистого Поля уверяли, что напитки из

«Доброго горшочка» придают им сил да лечат всякие хвори, потому не только пили их в харчевне, но и домой брали чудесные снадобья.

Когда в харчевню, поклонившись, зашли Могута с Милютой, все дружно оглянулись в их сторону и поклонились им в ответ. Молодых силачей любили в деревне – не страшились они никакой работы и никогда не отказывали в помощи – кому огород вскопать, кому крышу поправить, кому орудие в кузнице выковать, а то и с детишками малыми посидеть, сказки порассказывать. Завсегда по хозяйству помогут, и платы никакой не попросят – за то их ещё пуще уважали да время от времени тоже помогать старались – кто рубахи новые богатырям сошьёт, кто еды приготовит. Сновали во-круг желанных женихов и девки молодые, да никто пока не пришёлся по сердцу молодцам, так и жили они вдвоём.

Могута был заметно старше и гораздо опытнее своего друга в кузнечном деле, которому он и обучал Милюту потихоньку. Взамен Милюта долгими вечерами рассказывал ему о дальних странах – хоть и молод парень, а во многих местах побывать успел, многое повидал... Побывал-то побывал, а остаться всё же нигде не хотелось, пока не забрёл он однажды в Чистое Поле, да так и осел здесь...

– Честа! Принеси-ка нам свеженького мяса в горшочках да пару кувшинов кваску вашего знатного! Работы сегодня

никакой нету, а вкусного поесть завсегда охота, – подмигнул присутствующим Милюта.

Все понимающе улыбнулись. Казалось, улыбнулась даже полосатая кошка с разноцветными глазами, сидевшая на лавке под окном. Кошка хоть и не жила в харчевне постоянно, да была тут завседатаем – ласковую мурлыку все любили и прикармливали потихоньку всякими вкусностями.

Честа быстро принесла молодцам обед – открыв крышечки у горшочков, они дружно наклонились над едой и с удовольствием вдохнули аппетитный запах.

– Поистине хорошие у тебя горшочки, хозяйка!

– Так бы и ели только это каждый день!

Честа улыбнулась, кивая в сторону мужа:

– Старый семейный рецепт мужниной родни. Кто хоть раз отведал, вовек не забудет.

– Это уж точно, – поддакнул Милюта, а его друг уже выловил ложкой кусок мяса из горшочка:

– Кис-кис... Голодная, Золотко?

Золотишка на лавке и ухом не повела, так и продолжала сидеть на месте, жмуриться и лениво обмахиваться хвостом. Когда кусок мяса оказался на полу недалеко от неё, кошка привстала, мягко потянулась, соскочила с лавки и под взглядами доброго десятка заинтересованных глаз взяла мясо в зубы и отнесла его лежащей на пороге собаке. Огромный пёс тут же вскочил на все четыре лапы, едва заметно кивнул

кошке, словно благодаря её за угощение, в один момент проглотил мясо и снова разлёгся на пороге.

– Ишь ты, заботливая какая, – слышались голоса. – Сама, небось, голодная, а собаку подкармливает!

Кошка гордо обвела взглядом всех присутствующих и с высоко поднятыми головой и хвостом медленно вернулась на место.

– Хозяйка, налей-ка животному молока! – заказал Милота. – Должна же быть кошке награда за доброту проявленную!

От молока кошка никогда не отказывалась. Уже не пытаюсь изобразить независимый вид, Золотишка кинулась к угощению и в мановение ока вылизала блюдечко до капли, вызвав дружный одобрителный смех.

Скрипнула дверь, и в харчевню быстрыми шагами вошла стройная светловолосая женщина в тёмной накидке. Ветрана сбросила капюшон с лица, поклонилась и присела за ближайший свободный столик. Сняла мокрую накидку и поставила на стол большой глиняный горшок, накрытый крышкой, который принесла, видимо, под накидкой, спасая от дождя. Когда Честа подошла к ней, женщина отрицательно качнула головой, отказываясь от еды, и вполголоса сказала, что пришла поговорить с Радованом. Любопытная Золотишка, как будто понимала человеческую речь, мигом соскочила со

своего места и одним прыжком оказалась на лавке напротив Ветраны. Рядом с ней присел Радован.

– Приветствую, Ветрана, – тихо сказал он, ставя перед женщиной чашку. – Выпей травяного снадобья для поднятия сил душевных. Вижу, беспокойно тебе.

Женщина благодарно кивнула и взяла чашку в руки.

– Дело у меня к тебе, Радован.

– Коли так, то говори, зачем пожаловала.

По глазам Радована нельзя было понять, в каком он сегодня настроении. Ветрана поёжилась.

– Ведьму одну умиловить надо, Ведану вашу.

– Сколько же вам говорить – не ведьма она! – нахмурился старик.

– Как же, не ведьма, – пробормотала женщина, отводя глаза. – Мои чертенята несколько дней назад в неё камни бросали, и тотчас же гроза началась... И не перестаёт с тех пор – то гроза, то дождь... Ну да не моё это дело. Не ведьма, то не ведьма. Но ясно же, что неспроста это всё!

Радован сидел, рассеянно поглаживая кошку, и молча смотрел Ветране в глаза.

Женщина продолжила:

– Зубаха наверняка знает, что делать. Попроси её, Радован, сестра ведь она тебе! Сама-то я не могу идти в Тихий Омут – Дарьян не позволяет с нечистыми знаться, уж прости за недоброе слово... Знаю, будет знахарка здесь сегодня – звал её Барвин ребёночка поглядеть, беда какая-то с ним

приключилась... Зайдёт ведь и к тебе! Попроси тогда за моих сорванцов, пусть уж Ведана на них не серчает. Нехорошо ведь, что гроза такая, в поле работать не даёт... – молящий голос женщины вдруг потеплел и стал заискивающим. – А я творожочка свеженького принесла – знаю, что любят они его больно...

Радован кивнул:

– Помог бы и без творожочка. Самому гроза надоела уже. Попрошу Зубаху, так и быть. Вдруг поможет чем... Да ты скажи своим детишкам, чтобы отстали от девки. Не дело это – камнями в человека бросать...

Ветрана молча встала, снова накинула мокрый плащ, низко поклонилась и вышла.

Когда все разошлись (обед обедом, но ведь и дома у каждого забот хватает!), полосатая кошка оборотилась невысокой пожилой женщиной.

– Рад видеть тебя, Зубаха, – сказал, обнимая её, Радован. – Дело к тебе есть...

– Да слышала я дело это, – махнула рукой знахарка. – Одни дела тут у меня... Отведу я грозу, мне и самой она не шибко-то по душе... А вот Ведану злить нельзя было. Проснётся сила в девке, не будем знать, что делать с нею...

Честа принесла три кружки травяного отвара и присела рядом. В комнате запахло душистой травой. Приятно было просто сидеть втроём и молча пить ароматное зелье – с близ-

кими людьми слова иногда не нужны.

Вскоре Зубаха поднялась:

– Пора мне. Засиделась я тут у вас. Пора к ребёнку идти, поглядеть, что там стряслось-то, хоть и догадываюсь ужо... И вот ещё. К Жадане идти мне некогда, да и не люблю я завидуших не в меру – так сходите к ней, отнесите травы, чтобы девка с ума не сошла, – быстро проговорила Зубаха, выкладывая на стол пучки трав из карманов. – Пусть заварит всё сразу и пьёт по полстакана каждый час, пока отвар не закончится. Шутка ли, три дня на себе драконью кровь носить! Да скажите, чтобы камешки снять не забыла... А творог себе оставьте, у меня и дома этого добра хватает! – подмигнула она и вышла во двор.

Гроза тут же прекратилась.

«Возьми себя в руки, Веда», – сказала девушка самой себе, когда зашла в свою комнату. Она открыла окно, полной грудью вдохнула ворвавшийся свежий ветер и огляделась по сторонам.

Постель не убрана ещё с утра, из старого большого сундука в углу торчит подол мятого зелёного сарафана и ярко-красный платок, засунутые туда наспех, посреди комнаты валяется опрокинутый стул, а на маленьком столике у окна в расписном глиняном кувшине стоит завядший букет уже непонятно каких цветов. Единственное чистое место в

комнате – угол, в котором на полу лежит небольшой коврик, сшитый из мягких заячьих шкурок.

Девушка подняла стул, затолкала в сундук торчащие из него вещи и накрыла постель тёмно-синим вышитым покрывалом. Остались цветы. Недолго думая, Ведана выхватила букет из кувшина и выбросила его прямо в окно. Затем, перевесившись через подоконник, ловко нарвала новый букет из красных маков и синих васильков, немного подумав, добавила в него несколько зелёных травинок, поставила букет в кувшин и удовлетворённо кивнула. Теперь всё в порядке. Снаружи.

Девушка уселась на мягкий заячий коврик в углу, поджала ноги и прислонилась к деревянной стене. Из головы не выходили слова Древослава «Нельзя учиться колдовству, коли с собственной злостью совладать не можешь». Неужели она и в самом деле не могла совладать со своей злостью? ...Ведана всегда старалась выглядеть холодной и сдержанной, если рядом были посторонние люди, но внутри в это время бушевал ураган эмоций. Не сдерживалась девушка и при близких – дед с бабкой не уставали напоминать, что свои чувства надо контролировать, а уж злости и подавно нельзя давать выхода, но у Веданы никак не получалось взять себя в руки.

Сейчас она сидела и думала, что, наверное, дед всё-таки прав. Как она собиралась учиться колдовать, не совладав со своей злостью? Ведь так и вправду можно натворить немало бед, которые потом придётся расхлёбывать...

Полная решимости научиться владеть собой, Ведана выпрямилась, положила руки на колени ладонями вверх, закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на своём дыхании и больше ни о чём не думать. Древослав периодически учил её этому, но девушка была крайне неусидчивой и нетерпеливой от природы, ей никогда не удавалось сосредоточиться. Дед в таких случаях обычно махал рукой и говорил, что её время ещё не пришло. Теперь же Ведане отчаянно хотелось, чтобы её время пришло, наконец – хотелось повзрослеть, сдвинуться с мёртвой точки и начать учиться всему тому, что ей хотелось знать и уметь. Ей казалось, что вот сейчас у неё точно всё получится. Должно получиться.

Ведана сидела и сосредоточенно дышала, стараясь ни о чём не думать, и так просидела довольно долго – в таком состоянии ход времени совершенно не ощущается. Раньше она не смогла бы усидеть столько времени – заболела бы спина, затекли бы ноги, да и просто надоело бы, в конце концов. Но сейчас ей было удивительно легко и хорошо. Как будто она, наконец, смогла что-то понять, почувствовать, осознать – как будто убрались невидимые препятствия, которые прежде мешали девушке войти в нужное состояние.

Когда Ведана открыла глаза, то подумала, что это ей снится – она, в той же позе, парила в воздухе на высоте около метра от пола. Испугавшись, девушка потеряла равновесие и чуть не упала, но вместо этого просто перекувыркнулась в воздухе, успев заметить краем глаза саму же себя,

продолжавшую сосредоточенно сидеть на заячьем коврике. Ощущения были настолько реальны, что это просто не могло быть сном. Проникнувшись торжественностью момента, Ведана замерла в воздухе, боясь пошевелиться. Она боялась даже дышать, но душа её бурно ликовала. Хотелось кричать и плакать от счастья.

Девушка знала, что в любой момент может вернуться в своё тело, но ей пока не хотелось этого делать. Вместо этого хотелось наслаждаться каждой секундой своего ликования, каждой мыслью, каждым ощущением нового, неизведанного состояния. Ведана выпрямилась и внимательно рассмотрела свои руки, ноги, посмотрела вниз на своё сидящее тело. Всё было удивительно, необыкновенно, всё вызывало восторг... И тут она заметила кое-что ещё. В комнате явно что-то изменилось. Девушка смотрела на стол, стул, сундук и пыталась понять, что не так. Вскоре она заметила полку со старыми книгами там, где её не было раньше – прямо на полу, под столиком. Заинтересованная Ведана спустилась на пол и приблизилась к полке. Все книги были старые, немного потёртые, в разноцветных кожаных переплётках – видно, что очень дорогие. Девушка провела по ним рукой, и когда её рука коснулась толстой книги в тёмно-красном переплётке, она ощутила тепло. Ведана ещё раз прошлась рукой по всем книгам, и снова ощутила тепло на той же, тёмно-красной. Она взяла книгу, уселась прямо на полу и открыла первую страницу.

Посередине тонкого пожелтевшего листа размашистым почерком соком чёрной бузины было начертано: правдивая история нашей семьи, рассказанная моей внучке Ведане, когда она научилась видеть.

Девушка вздрогнула. Десятки раз Древослав говорил ей. «Много чудес ты откроешь, множество тайн постигнешь, когда научишься видеть», но она никогда не могла понять, что именно дед имеет в виду. Теперь смысл его слов понемногу стал открываться ей. Только что она впервые в жизни вышла из своего тела. Она увидела и ощутила то, что прежде было ей недоступно. Ведана почувствовала, что сейчас как никогда близка к разгадке какой-то очень важной тайны. Она глубоко вздохнула, и радость наполнила её сердце. Радость того, что её время, наконец, пришло. Пережив очередной приступ радости, лёгкости и ликования, девушка устроилась поудобнее и стала читать.

Теперь мало кто вспомнит, а ведь не так давно были времена, когда люди и колдуны жили бок о бок с водяными и лешими, русалками и домовыми, оборотнями да шишигами и прочей, как потом стали говорить, нечистью. Чтобы кто кого боялся – такого не было: не боялся никто, не прятался. Да и не вредил никто особо... Ну а поелику страху не было, так и дела никакого никому не было, кто как живёт, коли соседям не вредит. Тогда ещё Тихий Омут и Чистое Поле были

одним целым поселением, и хотя ссоры да обиды случались изредка, в общем, жили все спокойно.

Началось всё с того, как сын мой Ратибор привёл в наш дом вилию Росаву. До тех пор если и было такое, чтобы человек с нечистью какой связывался, то так давно, что уж и не помнил никто. Не принято это было, потому как неизвестно, какие последствия это может иметь, да какие дети от такого союза родятся.

Конечно, когда молодой да статный парень, завидный жених, взял за жену вилию, удивлялись даже старожилы: люди хоть и жили испокон веков рядом с нечистью, а жениться на русалке никто бы не стал. Да и побаивались попервах вилии. Она хоть и выглядела, как наши местные девки, а то и краше многих была, но ходила молва, что убивать она могла одним взглядом, коли захочет... Ведана вздрогнула и на секунду оторвала взгляд от строчек. Вздохнула глубоко и сжав одну ладонь, продолжила читать.

Однако же время шло, вилия никого не убивала, а наоборот, ещё и лечить стала. Травы знала такие, что и без заклятий всяких лечат, да не каждому те травы даются...

Люди уж привыкать стали, при встрече кланялись вилии, за помощью приходили – никому она не отказывала. И как-то люди заметили, что она, вилия, на сносях-то уже. Слухи пошли разные – кто ж знал-то, что может родиться у русалки с человеком! Мужики говорили, что надо бы собраться под окном, когда она разрешаться от бремени будет, да и по-

дождать, поглядеть, кто родится: коли чертёнок какой – так отнять его сразу у матери и убить, потому как сила у него могла проявиться такая, какой и у вилии в жизни не было. Страшно всем стало, муторно. За несколько месяцев извелись в ожидании, нервные люди стали, дёрганые...

И вот пришло время вилии рожать. Опытные повитухи собрались в её доме, а мужики-то, с вилами да топорами, под открытым окном стали ждать. Муж вилии остался с женою рядом, и про мужиков знать не знал, а то разогнал бы по домам, не отдал бы своё дитя на растерзание!

Долго ждали мужики, измучились повитухи, искорчилась вилия. Ребёночек родился без пяти минут в полночь. Молодая девка, что повитухам помогала, выглянула в окно и сказала мужикам: мол, зря сидите-то, обычный ребёночек родился, девочка. Хорошенькая да зеленоглазая, красавица вырастет всем на зависть. Ну, кто-то из мужиков поворчал немного, знамо дело – чертёнка-то вилами подцепить страсть как хотелось, да делать нечего. И только они отошли несколько шагов от дома, глядь! – три судички под окно прилетели, вещать стали! Оно хоть и не редкость было, что судички судьбы вещали, а послушать их завсегда любопытно. Спрятались мужики у забора в кустах смородины, да уши развесили. Ночь была тихая, лунная, ни ветерочка, ни шороха, потому каждое слово судичек звенело в воздухе особенно торжественно.

«Красота у девочки будет необыкновенная, – сказала

старшая судичка. – До самой старости будет она краше многих молодых. Но тому, кто полюбит её, много испытаний пройти придётся. Многие люди отдадут за неё свою жизнь по собственной воле, и много раз смерть будет проходить совсем рядом от неё...».

«Девочку ждёт великое будущее. Большая сила у неё будет. От неё будет зависеть судьба не только родной земли, но и многих других. А уж сколько человеческих судеб изменится, и сосчитать нельзя», – молвила другая.

Третья судичка помолчала немного, и тихонечко так бормочет: «Только сила эта может никогда не проявиться, и дитя проживёт обычную, ничем не примечательную человеческую жизнь». И уже встала да повернулась, чтобы лететь обратно вроде, а потом вдруг оглянулась да как закричит: «Дитя, мы дарим тебе редкий шанс! Ты сможешь сама выбирать свою судьбу!».

... Ещё не успело смолкнуть эхо от её нечаянного крика, а уже упали все три судички, сражённые одним копьём. Поныне неизвестно, кто всё-таки убил судичек: может, кто из мужиков, что в кустах сидели, может, колдун какой, а то и нечисть из тех, что посильнее.

Хотя надобно тут сказать, что не каждый подюжит одним копьём пронзить сразу три цели, особенно, когда живые они. Без сильного колдовства тут не обошлось, знамо дело, да только колдунов и сейчас хоть отбавляй, а в те времена и того поболее было, так что уж и не узнать, кто это мог быть.

С тех пор никому ничья судьба неведома, потому как после смерти судичек вещать стало некому. Однако же это никого не огорчает, поелику люди с тех пор стали считать, что коли ничего им не предвещалось, так они сами, своими деяниями да помыслами, свою же судьбу и творят.

Смерть судичек положила начало вражде сильной меж людьми и нечистью всякой. До того никто не смел убивать без причины даже верлиоки и трясовицы вредоносных, лихорадок да моров проклятых, что болезни на людей насылали. И тем боле никому в голову не могло прийти, что кто-то может убить судичек, которых и нечисть-то поганая почитала, а уж люди и посмотреть на них боялись, так велико было их почтение.

И стали шишиги да верлиоки потихоньку на людей нападать, а лихорадки да трясовицы – болезни разные насылать. И начали понемногу домовые да банники собственным хозяевам вредить, лешие – следы запутывать, а болотяники – в болота затаскивать.

Понятное дело, люди вынуждены были защищать свои дома да детишек малых. Защищались-защищались, да вскоре и сами первые нападать стали на русалок да полудениц, на верлиоку да шишиг, на лесавок, трясовиц, лихорадок и прочую нежить.

Дабы не допустить полного исчезновения и тех и других,

в дело вмешались колдуны. А поелику меж ними самими согласия не было, то и сами разделились на два лагеря – кто-то стал помогать людям, а кто и нежити поганой. А уж потом припомнились заодно и обиды старые – так колдуны и меж собой стали воевать жестоко.

Люди да мелкая нечисть хоть и сражались уже отрядами, всё равно сильно навредить друг другу не могли бы, даже коли постарались бы, а уж истребить друг друга без остатку и подавно. А колдуны и ведьмы силу имели огромную – с тех случилось бы и друг друга перебить, и род человеческий уничтожить, и нечисть всякую истребить.

Уже очень скоро все забыли, кто, за что и с кем воюет, да с чего война началась. В каждой семье были потери, каждый мстил всем без разбору и убивал на всякий случай от страха. Если бы не нашёлся тот, кто смог бы остановить эту войну всех со всеми, давно пришёл бы конец нашему миру.

И знамо дело, такой человек нашёлся. Единственный, кому под силу было остановить всех. Тот, кому подчинялись ведьмы и колдуны, кого боялась нежить и уважали люди. Это был ведун Яросвет.

Многие потом жалели, что вмешался ведун не сразу. Много колдунов за это время полегло, много нечисти разной, а ещё больше людей. Погиб и Ратибор, защищая свою Росаву – обоих нашли потом раздавленных огромным камнем...

Крупные слёзы Веданы закапали на страницы потрёпанной книги солёным дождём, строчки поплыли перед глазами,

в горле встал ком, стало трудно дышать. Некоторое время она самозабвенно рыдала, отбросив книгу. Ей хотелось кричать, но она вовремя опомнилась – не стоило вмешивать деда с бабушкой в свои переживания... В конце концов, Ведана обняла собственное тело, продолжавшее сидеть в полной неподвижности, и долго всхлипывала у него на плече, а потом боль неожиданно прошла. Слезы закончились, глаза высохли, и стало удивительно легко. Конечно, Ведана так и осталась сиротой с десятком вопросов, на которые пока не было ответов, и никто не мог восполнить её потерю, но теперь, по крайней мере, она узнала правду. Пусть пока совсем немного, но это успокоило её, и она снова вернулась к брошенной книге.

...С тех пор никакая нежить не может причинять вред людям и не должна иметь с ними никаких дел. Смешанные браки между людьми и нечистью запрещены, колдуны никому не могут передавать свои знания и силу, а люди ушли в Чистое Поле. Построили дома, засеяли поле, завели огороды и скот – словом, там и осели...

Конечно, не всё так просто. Иногда и нечисть вредит по-маленьку, коли её затронуть, но уж если сам виноват, жаловаться некому. Иногда и ведьмы с колдунами причиняют людям вред, но им это сходит с рук – мы ведь защищаем Чистое Поле от нападений нечистой силы и лечим болезни всяческие. Люди нас боятся. Для них нет разницы – что колдун

или ведьма, что оборотень, что потворник поганый, что знахарь, гадалка, вещатель... Для них всё едино: не такой, как они – значит, нечистый. А спорить с людьми – только время зря тратить.

Так и живём...

Ведана закрыла книгу, и та сама вернулась на место. Полка с книгами тут же исчезла, а ещё через несколько минут девушка обнаружила, что сидит неподвижно уже столько времени, что всё тело затекло. Она с трудом выпрямилась и улеглась на спину прямо на полу, чтобы немного отдохнуть от сильного физического и эмоционального напряжения. Новые переживания переполняли её. Было странно, наконец, выйти из своего тела – ведь столько раз до этого Ведана целенаправленно пыталась это сделать, но ей не удавалось даже усидеть в одной позе достаточно долго, а тут ей всё далось без особого труда. Может быть, в этом и был весь секрет – не надо слишком стараться? А может быть, сейчас она просто была готова к тому, чтобы узнать правду? ...Стоп. Правду она знала не всю. Оставались ещё очень важные вопросы, ответы на которые ей нужны были срочно. Ведана поднялась с пола и направилась на кухню. Она была настроена очень решительно.

Когда девушка вернулась на кухню, Древослав уже месил тесто для нехитрых лепёшек, а в печи тушилось ароматное мясо в глиняных горшочках. Без лишних предисловий Ведана сказала:

– Я всё знаю.

Дед не шелохнулся. Не отрываясь от своего занятия, он лишь мельком взглянул на внучку:

– Что именно?

– Всё, – повторила она.

– Если бы ты знала всё, – усмехнулся Древослав, – ты бы не прибежала сюда только для того, чтобы сообщить мне об этом. Значит, тебе известно не всё, что хотелось бы.

Под пытливым взглядом деда Ведана густо покраснела и пробормотала себе под нос:

– Я нашла книгу. Твою книгу в красном переплёте.

– Ну наконец-то, – вздохнул дед. – Я почему-то был уверен, что ты найдёшь её гораздо раньше.

– Ну знаешь, – обиженно просопела девушка. – Ты мог помочь вообще-то. Или просто всё рассказать. Вместо того чтобы...

Ведана могла бы демонстративно обидеться надолго и даже пропустить обед, но сейчас это было не в её интересах.

Сжалившись, Древослав первым прервал паузу.

– Так о чём ты хочешь знать?

Не веря своему счастью, что сейчас ей расскажут всё, Ве-

дана быстро проговорила:

– Расскажи мне про мою тень.

Дед кивнул, молча забросил сырые лепёшки в печь и присел за стол напротив внучки.

– Тебе кажется, что тень – это всего лишь тень, – начал он, прокашлявшись. – Но это не так. Тень – это хранилище большой силы, средоточие древних знаний, и очень важная часть души. Без неё невозможно овладеть всеми колдовскими знаниями и умениями в полной мере...

– Почему же у меня её нет? Тень есть даже у людей – у всех до одного!

– Ты уже знаешь, кто твоя мать, – полувопросительно-полуутвердительно сказал Древослав. – Потому не удивительно, что с самого детства к тебе присматривались и соседи-колдуны, и люди из Чистого Поля, которые приходили за помощью. При том, что вешали для тебя судички, да при том, что ты – дитя вилии, ты не могла быть простым ребёнком. Твоя сила рано или поздно должна была проявиться... И она проявилась – ещё до того, как ты научилась ходить. Сначала ты научилась перемещать взглядом кружки да кувшины – перемещать-то перемещала, да так, что посуда падала со стола и разбивалась на мелкие осколки. А поднять да собрать, как было, не умела. Это всё ерунда, конечно... Но однажды к Зубахе пришла баба из Чистого Поля – попросить чего-то там, не помню уж, чего. А тебе в это время вздумалось полетать... Да, летать ты тоже умела... А та как увидела

ребёнка на высоте, под самым потолком, да как заорёт! Ты и упала от неожиданности. Синяков, конечно, набила, ушиблась больно... Ну и разозлилась, на бабу-то. Как глянула на неё, так та вся пятнами какими-то покрываться стала и задышаться... Хорошо, Зубаха рядом была, спасла бабу и лечила её потом ещё неделю, травами отпаивала. А та как выздоровела, побежала к Яросвету жаловаться... Ведун, конечно, сразу ничего делать не стал, и никакого ответа не дал. Но когда ему стали жаловаться и другие, созвал совет...

Помолчав, Ведана вздохнула:

– Я ведь ничего этого не помню... Совсем ничего...

– Так было нужно, девочка. Такова твоя жертва...

– И что, ничего нельзя было сделать? Ну с моими разрушениями этими...

– Можно было. Конечно, можно... Тогда, на советном холме под старыми дубами, спорили долго. Мы с Зубахой просили за тебя. Хотели научить тебя силу свою под контролем держать, чтобы не причинять вреда никому. Некоторые другие были на нашей стороне... Но остальные сразу сказали: раз ведун запретил обучение – нечего кому-то потакать, и стояли на своём крепко... Яросвет поначалу сомневался, да советниками, видно, окружил себя недобрыми... В конце концов, он согласился, что справедливо будет насовсем лишить тебя силы.

– Как они это сделали?

– Долго рассказывать вообще-то... Но если в двух словах, то в ближайшее полнолуние Яросвет собрал колдунов на Красной горе и провёл над тобой страшный ритуал – поставил тебя лицом к луне и ножом отрезал твою тень. Она там так и осталась, в горах, а поелику тень бессмертна, так, наверно, там и прижилась и живёт себе... А ты вроде как человеком стала... Вообще-то от этого ритуала многие умирают, но, видно, твоя сила и вправду велика была. Ты только память потеряла да говорить не могла ещё три года...

– Но... как это вообще возможно? Как можно было сделать это со мной? И... как это теперь вернуть обратно?

Древослав не успел ответить девушке – домой вернулась Зубаха, причём не одна, а с кричащим и вопящим маленьким уродцем на руках, и на время Ведана забыла обо всех своих расспросах.

– Он не похож на обычного ребёнка, ба!

– Это и есть не обычный ребёнок.

Уродец ни на секунду не прекращал орать, и из-за маленьких глазок, сжавшихся в узенькие чёрточки, из-за покрытого красными пятнами личика, из-за надутых, залитых слезами, щёк казался ещё уродливее.

– Что с ним случилось? – спросила Ведана, вставая на цыпочки, чтобы получше разглядеть маленькое создание, орущее в Зубахиных руках.

Зубаха пожала плечами – как будто это само собой разумеется:

– Домовые поменяли.

Такого Ведана ещё не видела. Она так и стояла посреди комнаты, раскрыв рот и не сводя глаз с орущего существа.

– Так и будешь стоять или поможешь мне? – проворчала бабка.

– А чем помогать-то? – растерялась девушка. – Я не знаю. Скажи мне хотя бы...

– Лезь на чердак, тащи старую люльку. Потом принеси свежего сена из хлева, постели в люльке. Да пошевеливайся – не видишь разве, что тяжело держать его на руках? Чай, не лёгонький!

Когда ребёнка положили в люльку, он ненадолго замолчал, оглядываясь по сторонам, как будто привыкал к новым условиям, но потом снова продолжил орать. Неужели он никогда так и не успокоится?

– А может, его покормить надо?

– Да не будет он есть ничего... Не человек он. – Древослав подошёл к ребёнку. – А вот нам поесть не мешало бы, да и каша как раз подоспела... Отдохни, Зубаха. Сдаётся мне, работёнка нелёгкая у тебя будет...

Зубаха и правда казалась уставшей. Ведана глянула на деда и успела заметить, как Древослав быстро начертил в воздухе над колыбелью неизвестную ей руну, и орущее суще-

ство сразу же замолчало.

– Нельзя ему долго спать, – проворчала Зубаха. – А то так и останется не-пойми-кем... Разве ненадолго только...

Ели быстро и молча, опустив головы, не глядя друг другу в глаза. За окнами смеркалось. Ночь предстояла долгая...

Пока Ведана суетилась, бегая по горнице в поиске нужных трав (благо, и мяту, и фенхель, и зверобой можно узнать по запаху безошибочно!), Зубаха чистила свой большой медный котёл на трёх ножках.

Вошедший в дом Древослав протянул знахарке крупное куриное яйцо, потом присел и вынул три короткие широкие доски из пола – именно эти три не были прибиты к полу гвоздями, как потом заметила Ведана. Возле разобранного пола старик сложил немного дров и поставил кувшин воды.

– Дальше сами управитесь? – спросил он. – Пока полнолуние, надо идти на болото – сабельник подоспел как раз. А заодно собрать бы крапиву и душицу – они сейчас в самом соку...

– Будь осторожен, – тихо сказала Зубаха, не глядя на мужа. – Слышала я, мужики собираются на охоту в эту ночь: говорили, будто волки им покоя не дают... Но я-то знаю, что на самом деле они втайне надеются, что удастся оборотня убить – в открытую-то охотиться на них нельзя, а у мужиков давно руки чешутся... Непокойно становится, Древослав.

Чую близкую беду, да не знаю пока, откуда её ждать... Будь осторожен.

– Буду, – кивнул старик и вышел на улицу.

Через миг где-то невдалеке раздался протяжный волчий вой...

– Значит, сила стала проявляться... Так-так-так...

Потворник, одетый по своему обыкновению в огромный белый балахон с капюшоном, наброшенным на лицо и прикрывающим большую его часть, задумчиво ходил по хижине взад-вперёд, заложив руки за спину. Прямо на пороге сидели два невысоких, грязных человечка, а возле них лежали сброшенными маленькие ящеричьи кожи. Человечки были похожи друг на друга как две капли воды, только у одного из них через всю левую щеку наискосок тянулся длинный кривой шрам, а у другого не было левого глаза.

Потворник остановился, подняв голову, и спросил:

– Она осознавала, что делает в тот момент?

Оба человечка заговорили одновременно:

– Похоже...

– Стоп, – потворник резко прервал их. – Пусть говорит кто-нибудь один. Ты, Полосатый.

Названный Полосатым вздохнул.

– Похоже, что нет... То есть не совсем...

– Что значит «не совсем»?

Потворник повысил голос, и Полосатый испуганно вжал голову в плечи.

– Я думаю, она хотела, чтобы гроза началась.

– Твоё дело не думать. Твоё дело – внимательно наблюдать...

– Да...

– Продолжай.

– Я ясно видел, и думаю..., – Полосатый осёкся, но заметив, что потворник никак не отреагировал, осторожно продолжил – ...думаю, что и Одноглазый видел тоже, как ведьма зажмурилась и улыбнулась сама себе, и сразу после этого началась гроза. Она хотела вызвать грозу, но вряд ли знала наверняка, как это делать. Скорее всего, просто очень захотела и сосредоточилась на своём желании. Но мне показалось, будто она удивилась, что всё получилось...

– Ты тоже так думаешь, Одноглазый?

Теперь наступила очередь Одноглазого вжимать голову в плечи, что он и сделал немедленно под испытующим взглядом потворника.

– Так точно, – выдохнул он. – Ведьма не ожидала, что у неё получится вызвать грозу. Но определённо этого хотела.

Потворник молча кивнул.

Тишина продолжалась несколько минут. Всё это время Полосатый и Одноглазый сидели неподвижно, боясь шелохнуться, а потворник продолжал ходить по комнате.

– А... а... а-пчхи!

Чихание, прервавшее тишину, вывело потворника из задумчивости. Опасаясь разгневаться немедленно повернувшегося в его сторону потворника, Полосатый попытался оправдаться, быстро забормотав: «Это всё проклятый дождь... а бежать надо было срочно... дело-то сурьёзное... ну вот и простудился... и знал же, что так и будет, и всё равно побежал...», утёр нос влажным рукавом и сжался ещё больше.

– Можете идти, – кивнул потворник. – Не спускайте с неё глаз. И немедленно ко мне, как только что-нибудь произойдёт. Теперь следить нужно вдвое внимательнее – надеюсь, вы оба это понимаете?

Оба человека одновременно кивнули:

– Конечно...

– Свободны.

Человечки подняли с пола грязные и мокрые от дождя ящерицы шкурки, поморщившись, накинули их на себя, и мгновение спустя две юркие ящерицы вышмыгнули из чёрной хижины потворника и побежали мимо аккуратных белых домиков, окружённых зелёными садами – через горы, в сторону Тихого Омута.

Когда Ведана вернулась с травами, почти всё уже было готово. В разобранное место в полу были сложены дрова, и уже потрескивал огонь.

– Что-нибудь ещё?

– Принеси мою метлу, – сказала Зубаха. – Боюсь, понадобится.

Ведана принесла бабкину метлу, обвязанную шерстяными нитками да увешанную наузами, поставила рядом и присела в угол на огромную медвежью шкуру, поджав ноги. Этот медведь был когда-то грозой Тихого Омута – говорят, скотину драл нещадно и людей не боялся. Убил его Древослав – однажды ночью, совершенно один. Люди долго удивлялись, как ему это удалось, и с тех пор почитают старика великим охотником. «Чистая случайность», – улыбался он. А на вопросы маленькой внучки рассказывал древние семейные заговоры. Чтобы стрела летела в цель, чтобы била метко, усилия надо приложить. Нужны костяные наконечники для стрел, заговорённые перья, что легче ветра. Да и заклинания сложные понадобились – медведь-то не простой оказался, хотя мало кто о том догадывался... Оборотень это был из дивных гор, смуту посеять в Тихом Омуте хотел, давнюю войну продолжить – да помешал ему Древослав. На том рассказы оборотнические и закончились. Больше дед никогда не поднимал эту тему, как внучка ни просила.

– Что бы ты ни увидела, что бы ни услышала, сиди молча и не двигайся, – сказала Зубаха, и девушке стало страшно. Она хотела бы вообще уйти и ничего не видеть, но бабке могла понадобиться её помощь, так что выбора не было...

Знахарка подошла к колыбели, повела рукой над ребёнком, и тот сразу проснулся и продолжил орать, как будто и не спал вовсе. Не обращая на него внимания, Зубаха присела у костра, аккуратно разбила куриное яйцо и вылила его содержимое в огонь. Огонь взвился и взметнулся почти до потолка. Туда же знахарка бросила меньшую часть скорлупы в огонь, а в большую зачерпнула воды, ловко захватила скорлупку щипцами, повернулась так, чтобы ребёнок мог всё это видеть, и протянула скорлупу над огнём.

Ребёнок тут же замолчал, и некоторое время внимательно наблюдал за происходящим, а потом неожиданно старческим голосом насмешливо проскрипел:

– Стар я как древний лес – а может, и поболее. Видал уже и такое диво, чтобы воду в скорлупе варили!

Раздосадованная знахарка бросила скорлупу в огонь и резко встала. Поставила на огонь котёл с водой, бросила в него травы, знаками показала Ведане, чтобы та готовила отвар, сама взяла пучок сухой мяты, стала разбирать его на травинки и выкладывать ими вокруг колыбели ровный круг. Когда круг был готов, Зубаха взяла украшенную метлу и легонько стала подметать этот круг внутри. Ребёнок молчал, но стал волноваться и беспокойно заворочался в колыбели. Дрожащая Ведана старалась не смотреть в его сторону и следить только за отваром.

Знахарка стала ходить по кругу против часовой стрелки, бормоча какие-то заклинания, которых девушка не могла

расслышать. Зато она отлично слышала, как ребёнок стал отчаянно ругаться и выкрикивать страшные проклятия в адрес Зубахи – но та не останавливалась.

Наконец, знахарка замолчала, вышла из круга, взяла лучину и подожгла сухую траву. Круг загорелся и ребёнок стал кричать пуще прежнего, но когда трава догорела, малыш вдруг замолчал и спокойно заснул.

– Остуди немного отвара и заставь его выпить хоть пару глотков.

Ведана, не переставая дрожать, зачерпнула кружкой душистого травяного отвара и немного подержала его в руках – подула, остуживая. Потом подошла к колыбели и удивилась: ребёнок больше не походил на маленького уroda. Это был самый обыкновенный, здоровый и симпатичный малыш. Когда она приподняла его, чтобы напоить, он открыл ясные голубые глаза и улыбнулся. Ведана улыбнулась в ответ, а малыш вдруг дёрнулся и больно ударил девушку по руке так, что она чуть не выронила кружку. Девушка облила бы ребёнка ещё горячим отваром, если бы Зубаха вовремя не подросла – женщина взяла кружку из рук растерянной внучки, напоила ребёнка, и тот мигом заснул.

– Он нормальный, просто капризный, – пояснила она.

Ведана вздохнула с облегчением и посмотрела в окно. Светало. Да-а, трудная выдалась ночь! Спать хотелось ужасно, да утром ребёнка надо отнести обратно, к его родите-

лям, в Чистое Поле. А Зубаха устала, наверно, ещё больше... Девушка оглянулась. Когда это бабка успела прибраться? В комнате не было уже ни котла, ни метлы, ни следов костра, а доски, вынутые из пола, снова лежали на месте, как будто их никто оттуда не вынимал. Если бы не ребёнок, мирно сопящий в колыбели, да едва ощутимый запах трав, Ведана могла бы подумать, что всё ей только приснилось...

Как ни странно, знахарка не выглядела уставшей.

– Нет ничего лучше чабреца и валерьяны от усталости и пережитых кошмаров, – подмигнула бабка. – Присаживайся, дочка, выпей пару глоточков снадобья. Тебе обязательно станет легче. Правда, только на время – в этом главный секрет целебных трав. Запомни это хорошенько: силу свою травы черпают в тебе. Некоторое время ты продержишься замечательно бодрой, но спать потом всё равно придётся – чудес на этом свете не бывает...

Ведана села за стол и взяла чашку в руки. Зубаха была права – каждый глоток травяного настоя возвращал её к жизни. Девушка почувствовала себя энергичной и бодрой, от ночного кошмара не осталось и следа.

– Отнесёшь ребёнка в Чистое Поле, Барвину и Злате. Их дом – третий с краю, во дворе у забора заросли барвинка. Не ошибёшься... Скажешь, пусть перестанут дразнить своего домового с женой, иначе в следующий раз ребёнка сразу подменят на берёзовый чурбан – и тогда им уже никто не поможет. Каждый вечер пусть оставляют немного еды в уг-

ду у печи. И обязательно пусть вернут домой своего старого кота... Ишь чего надумали – мышей не ловит! А сколько он их за свою жизнь наловил, и не думают даже... Скажи, кота этого домовые шибко любили, скучают без него, вот и капризничают... Как угодно пусть ищут, пусть хоть весь лес перероют!

Ведана уже ничему не удивлялась. Даже не стала спрашивать у Зубахи, откуда та знает про кота. Просто послушно взяла ребёнка на руки, – он тут же прижался к ней во сне, – кивнула бабке и шагнула за порог.

Глава 3. Кто нашёл, кто потерял

До Чистого Поля Ведана дошла на удивление быстро – и даже упитанный ребёнок, которого молодая ведьма несла на руках, не казался ей слишком тяжёлым. Позже, размышляя о том, как ей удалось так быстро преодолеть довольно большое расстояние, девушка вдруг вспомнила, что в пути она думала лишь об одном – как поскорее дойти, отдать ребёнка и вернуться домой. За всю дорогу Ведана ни разу не подумала о том, что ей тяжело, что на улице невыносимая жара, и что она безумно устала после насыщенной событиями и переживаниями ночи... Видно, в этом крылся какой-то секрет – Ведана решила позже подумать, как это можно было использовать в дальнейшем.

Улица в Чистом Поле была всего одна – причём сначала дома тянулись лишь по одной её стороне, и только потом нить домов раздваивалась и улица расширялась.

Ведана редко бывала в Чистом Поле и не знала, где чей дом, но она не могла не заметить, что первый с краю дом разрушен и пуст, его ставни заколочены, словно хозяева давным-давно покинули эти места. Второй дом – чистый и аккуратный, производил впечатление светлого и радостного жилища, хозяева которого всегда радушно привечают гостей. Но когда мимо проходила ведьма, она успела заметить, как

кто-то быстро стал прикрывать ставни изнутри – словно хозяин дома боялся, что ведьма заглянет в окно и сглазит его уютное жилище. Ведана считала, что никто не заслужил такого отношения, и изо всех сил стала уверять себя, что это не из-за неё, и вообще, это совсем не обидно... На небе стали сгущаться тучи – вот-вот был готов хлынуть новый дождь. Ведьма зажмурилась и приказала себе не думать о том, что она только что видела.

Наконец, третий дом – небольшой, но чистый и красивый, со свежей соломенной крышей и белыми ставнями. Невысокий забор увит барвинком. Во дворе старая яблоня с раскидистыми ветвями, склонившимися вниз под тяжестью крупных зелёных яблок.

Ведана отворила калитку, одной рукой придерживая ребёнка, и шагнула во двор. Увидев ведьму, огромный чёрный пёс протяжно заскулил и попятился в свою унылую конуру, не спуская глаз с Веданы. На пороге мгновенно показалась молодая хозяйка – в длинном тёмно-синем сарафане и серой рубашке, с тёмными волосами, спрятанными под платок. Увидев своего ребёнка, Злата мгновенно подскочила к ведьме и взяла на руки малыша.

– Спасибо, спасибо!

– Мне-то за что, – пожалала плечами Ведана и, вспомнив наказ бабки, быстро сказала: – Злата, бабушка просила передать, чтобы вы больше не гневили домового – оставляйте для него еду у печи...

– Обязательно, спасибо! – Злата так крепко прижала к себе ребёнка, что Ведана даже испугалась, не задавит ли она его. Но матери, конечно, было виднее...

Ведана не уходила, и Злата насторожилась:

– Что-нибудь ещё?

Ведана спохватилась: когда она задумывалась, то, бывало, забывала обо всём вокруг.

– Да. Найдите своего старого кота и верните его домой.

– Кота? – глаза Златы округлились. – Так он это... давно ушёл-то... сам... может, его уже и волки в лесу разорвали... как же мы его вернём-то?

– А это ваши проблемы, – резко сказала ведьма. Она знала, что домашние животные побаиваются Чуткого леса и крайне редко сами убегают туда. Девушка вдруг вспомнила, что Зубаха всегда учила её быть снисходительной к людям, поскольку у многих из них просто нет мудрости житейской, и они творят своё зло не из злых побуждений, а просто по незнанию, и постаралась смягчиться. – Бабушка сказала, что этого кота ваш домовой любил – вот и тоскует по нему... Вы ведь не хотите завтра вместо ребёнка найти в его люльке берёзовый чурбан?

– Типун тебе на язык! – Злата сказала это очень тихо, но ведьма всё равно услышала. Громче женщина сказала: – Передай бабушке: сделаем всё, как она сказала.

Ведана развернулась и направилась к выходу. Злата крикнула вслед:

– Чем нам отблагодарить Зубаху?

Ведьма оглянулась:

– Просто верните своего кота. Иначе в следующий раз вам не поможет не только моя бабушка, но и вообще никто.

Едва Ведана закрыла за собой калитку, а счастливая, хоть и напуганная Злата, зашла в дом, как хлынул дождь. Причём шёл он исключительно над домом Златы – женщины, выгнавшей в лес своего старого кота. И не прекращался до тех пор, пока кошачьи лапы не ступили на пол дома.

Дорога в Чуткий лес проходит через бескрайние поля. Пшеница стоит высокая, но ещё светлая, недозревшая. Между колосками, насколько хватает взгляда, виднеются омытые дождём яркие маки, ромашки, васильки и множество других красных, синих, жёлтых, лиловых и белых цветов. От этого поле кажется разноцветным, и буйство красок, радуя глаз, поднимает настроение до небес.

Великолепие природной палитры сопровождается жарким ароматом всевозможных цветов и трав, пронзительным запахом свежей травы, и сливается в едином аккорде со стрекотанием кузнечиков и пением десятков невидимых глазу птиц. Гармонию не нарушали даже голоса стайки ребяташек, идущих по дороге всё дальше в лес.

– А хорошо сегодня, да? Такое солнышко!

– Тебе бы всё солнышко...

– Дань, ну чего Остроглазик опять дразнится! Разве плохо, когда солнышко? Вон, сколько дней шёл дождь – нельзя было даже нос из дома высунуть...

– Яра, он просто дразнится. Не обращай внимания...

Девочка немного помолчала.

– А мы найдём Жёлтого Глаза? ...А вдруг котик уже забыл, как это – жить у людей? Вдруг он не захочет вернуться?

Братья-Остроглазки фыркнули и засмеялись в один голос:

– Как же, не захочет! Кто ж его спрашивать будет!

– Подумай лучше, – продолжал один из братьев, подмигнув остальным мальчикам, – Что ты будешь делать, если в лесу окажутся волки – говорят, их там пруд пруди. ...А если кто страшнее волков?

Яру начала бить дрожь, её шаги стали замедляться – они замедлялись и замедлялись, пока девочка в растерянности совсем не остановилась на месте с широко раскрытыми от страха глазами. Пустая корзинка для ягод выпала из её ручонков на пыльную дорогу, но девочка даже не обратила внимания.

– Кто же может быть страшнее волков?

– Да мало ли кто! Леший, например!

Девочка вздохнула от облегчения, подняла корзинку и, улыбнувшись, бодро шагнула вперёд:

– Мама сказала, леших не бывает. Правда, Дань?

– В нашем лесу их никто не видел, – подтвердил мальчик. – А волки днём спят и ни на кого не нападают. А если

кто будет Ярку пугать, – Даня повысил голос, – так мы до леса только ночью дойдём и увидим всё самое страшное, что там есть. Так что давайте пойдём быстро и не будем никого пугать.

Все согласно кивнули и ускорили шаг. Некоторое время никто не решался сказать и слова, а когда один из мальчиков начал было бормотать обиженным голосом: «А моя бабушка говорит, что лешие бывают. И леший всегда страшный и одет навыворот, его завсегда узнать можно. И он так ходит и всё время пригова...», все дружно остановились и укоризненно посмотрели на него («Ну Мииря!»), и он замолчал на полуслове...

В испорченном настроении дети молча дошли до леса, но как только они вышли на поляну с усеянными крупной спелой ежевикой кустами, все страшилки были немедленно забыты.

Уже через час корзинки были наполнены ягодами, а щёки и подбородки довольных детей измазаны свежим ягодным соком. В лесу было прохладно и хорошо, верхушки стройных сосен раскачивал убаюкивающий ветер, птицы пели, казалось, уже не бодро, а сонно, и детей быстро сморило. Кто-то заснул на пеньке, положив на колени руки и голову, кто-то сидел прямо на земле, прислонившись спиной к дереву, кто-то лежал на широкой нижней ветке дуба, свесив вниз ноги и руки...

Проснулись они все одновременно – от усилившегося ветра, шуршащего в кустах ежевики, и чьих-то неосторожных шагов, под которыми громко трещали сухие ветки. От страха дети застыли на месте, стараясь почти не дышать, и испуганно смотрели друг на друга.

Треск сухих веток всё усиливался, шаги приближались, и вскоре на поляну вышел, бормоча что-то невнятное, невысокий грязноватый старичок. Дети заметили, что его рубашка была перевернута задом наперёд, обветшалый жилет вывернут наизнанку, как и штаны. Шёл старичок босиком, его седые волосы были всклокочены, косматые брови нависали над глазами.

Он подошёл совсем близко к Яре, остановился, наклонился, глядя ей прямо в глаза, и продолжал бормотать: «Шёл, нашёл, потерял... шёл, нашёл, потерял...». Девочке хотелось закричать, но она онемела от ужаса. Ей показалось, что она вот-вот умрёт от страха, но вдруг Миря, сидевший где-то справа от неё, резко выкрикнул:

– Овечья морда, овечья шерсть!

Старик замер на месте и замолчал, быстро моргая красноватыми глазами.

– Овечья морда, овечья шерсть! – повторил Миря громче прежнего.

Убедившись, что это ему не послышалось, старик взвыл от досады:

– Ууу, догадался! – одним прыжком перепрыгнул через

поляну и скрылся в кустах.

Остолбеневшие дети не сразу смогли говорить. Они молча смотрели то на Мирю, то в сторону кустов, где только что скрылся жуткий старик, а через несколько минут засыпали маленького героя вопросами:

– Почему он сразу убежал?

– Как ты догадался?

– Откуда ты вообще знал, что надо говорить?

– Так это что – леший? Он что – хотел нас убить, да?

– Мне бабушка рассказывала, что леший завсегда ходит и говорит: «Шёл, нашёл, потерял. Шёл, нашёл, потерял», – авторитетно заявил Миря, довольный всеобщим вниманием. – И когда его встретишь, надо просто сказать: «Овечья морда, овечья шерсть», и он сразу убежит и ничего тебе не сделает.

– Ой, точно, – вспомнил Даня. – Моя мама такое тоже рассказывала...

– Так это мама что, взаправду, что ли, рассказывала? Я думала, это сказка только! – Яра взвизгнула. – Ой, мамочки, мне уже вообще страшненько! Побежали скорее отсюда, без кота обойдутся! Скажем, что не нашли, и всё. Сами пусть ищут!

Мальчики переглянулись, молчаливо совещаясь. Все были напуганы, в лесу начинало темнеть, а ягоды были уже собраны. Кота, конечно, они так и не нашли, но ведь он и не должен был сидеть на полянке и ждать, пока дети за ним при-

дут! Скажут, что искали – долго искали. Не виноваты же они, что кот так и не нашёлся!

Дети шли домой молча, быстрым шагом, по знакомой дороге. Солнце уже село, становилось холодно, а выхода из леса всё не было видно. Младшие дети начинали ныть и жаловаться на усталость, а когда Яра заплакала, все решили, что надо остановиться и немного передохнуть, а кто-нибудь залезет на самое высокое дерево и посмотрит, куда идти дальше.

Дети остановились на небольшой полянке, с размаху плюхнулись в густую траву и тут же подскочили как ошпаренные: тот же старый дуб с широкой нижней веткой, тот же пенёк, у которого уснула Яра, когда к ней подошёл леший, те же кусты ежевики... Это была та же самая поляна – сомнений быть не могло!

Малыши посмотрели друг на друга, на растерянный вид старших мальчиков, и словно сговорившись, завyli в голос. Страх, и так уже царивший на поляне, усиливался наступающими сумерками. Пения птиц уже не было слышно, только где-то вдали ухнула сова, а стрекотание сверчков и шелест травы казались теперь зловещими.

Молчание прервал Миря:

– Если мы будем просто так стоять и ничего не делать, скоро настанет ночь и будет ещё страшнее. А у нас даже спичек нету. В общем, надо лезть на дерево, – решительно заявил

он и шагнул в сторону старого дуба, ветки которого спускались достаточно низко. Мальчик замолчал, присматриваясь, за какую ветку удобней ухватиться, и вдруг воскликнул: – Жёлтый Глаз!

Все удивлённо уставились на Мирю, но сам он, задрав голову, смотрел на дуб:

– Смотрите, Жёлтый Глаз! Нашёлся!

Насладившись вниманием детей, огромный серый кот с жёлтыми глазами ловко соскочил с дерева на землю, мурлыкнул, медленно обводя всех взглядом, и спокойно пошёл по протоптанной тропинке. После нескольких шагов кот оглянулся, словно приглашая детей следовать за ним, и тронулся дальше. Дети, обгоняя друг друга, бросились бежать за котом, и уже очень скоро они вышли из леса.

– Как же вы так долго? Где вы были? Я уже начинала волноваться! – Ветрана всегда волновалась, когда детей долго не было дома, а сегодня они ушли с самого утра, и появились только сейчас, когда уже сильно стемнело.

– Ой, мамочка, сегодня столько всего разного было, мы так устали, так устали... – заговорили наперебой Даня с Ярой. – Можно мы сейчас быстренько пойдём спать, а тебе завтра всё расскажем?

– Что, даже ужинать не будете? – недоверчиво переспро-

сила Ветрана. – Тогда вы и вправду сильно устали... А кота нашли?

– Нашли, мам. И все вместе отнесли его дяде Барвину и тёте Злате, а потом все по домам побежали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.